

ЗЕМНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ПОЭТА И БОЖЕСТВЕННАЯ СУЩНОСТЬ ПОЭЗИИ

С.Б. РОЦИНСКИЙ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, пр.Вернадского, 82, г. Москва, 1195671, Российская Федерация
E-mail: rotsinsky@bk.ru

Рассматриваются два подхода к анализу и оценке жизни и творчества А.С. Пушкина. Один из них основывается на повышенном внимании к личной жизни поэта, его человеческим слабостям, неординарности его поступков. На таком подходе, ориентированном на читательский запрос «толпы», построена книга А.Мадорского «Сатанинские зигзаги Пушкина». В ней, кроме достоверных фактов, содержится много домыслов и произвольных интерпретаций, на что указывается в статье. Представители противоположного похода главное внимание уделяют духовно-творческому аспекту жизни и творчества поэта. Они убеждены, что оценивать значение Пушкина следует не по деталям его эмпирической жизни, а по силе и высоте его творческого гения. В статье анализируются взгляды на этот вопрос В.С. Соловьева и других русских религиозных философов, обосновывающих эту позицию. Они считали, что поэтическая душа в минуты вдохновения ничему низшему не подчинена, что настоящая чистая поэзия послушна лишь высшему вдохновению, которое идет не от «мира сего». В своем выводе автор статьи разделяет их точку зрения, которая сводится к следующему: явление гения – не в его тривиальных слабостях и недостатках, на которые способен всякий, а в его божественном даре – исключительном, неповторимом, недостижимом для простых смертных.

Ключевые слова: жизнь Пушкина, поэзия Пушкина, гений, вдохновение, душа, дух, пророчество, красота, масса, толпа, божественный дар.

TERRESTRIAL EXISTENCE OF THE POET AND DIVINE ESSENCE OF POETRY

S.B. ROTSINSKY

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82, Vernadskiy Avenue, Moscow, 1195671, Russian Federation
E-mail: rotsinsky@bk.ru

Two approaches to the analysis and assessment of life and A. S. Pushkin's creativity are considered. One of them is based on special attention to private life of the poet, his human weaknesses, eccentricity of his acts. On such approach focused on reader's inquiry of "crowd" A. Madorsky's book "Devilish zigzags of Pushkin" is constructed. It, except established facts, contains many conjectures and any interpretations on what it is specified in article. Representatives of an opposite campaign pay the main attention spiritual creatively to aspect of life and works of the poet. They are convinced that it is necessary to estimate Pushkin's value not on details of his empirical life, and on force and height of his creative genius. In article views of this question of V.S. Solovyov and other Russian religious philosophers proving this position are analyzed. They considered that poetic soul minutes of inspiration is subordinated to nothing to the lowest that the real pure poetry is obedient only to the highest inspiration which goes not from "this world". In the conclusion the author of article divides their point of view which is as follows: the genius's phenomenon – not in his trivial weaknesses and shortcomings of which everyone is capable, and in his divine gift – exclusive, unique, unattainable for mere mortals.

Keywords: *Pushkin's life, Pushkin's poetry, genius, inspiration, soul, spirit, prophecy, beauty, weight, crowd, divine gift.*

В этом году исполнилось 180 лет со дня роковой дуэли Пушкина. Отношение к поэту в пройденные после его гибели годы можно было бы считать осуществлением заветного пророчества:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Можно было бы, если не осмотреться вокруг, не задержать взор на книжных витринах, где то и дело встречаются образцы печатной продукции, ничего общего с «чувствами добрыми» к поэту не имеющие и рассчитанные на рыночный спрос. «Массовый читатель», или *толпа* (если употребить выражение Пушкина), меньше всего проявляет интерес к творческой гениальности, духовной высоте, совершенстве формы, глубине содержания и т.п. Толпе больше свойственна любознательность к перипетиям личной жизни поэта, к его плотским страстям и утехам, горестям и падениям. Ее интересуют «исследования», перелопачивающие интимную жизнь поэта до мельчайших подробностей.

Вот, к примеру, первый попавшийся на глаза образец подобного рода литературы – объемистая книга в три с половиной сотни страниц, озаглавленная «Сатанинские зигзаги Пушкина». Написана свободным литературным слогом, читается легко и даже захватывает. «Я открою Вам совершенно нового Пушкина», – обещает автор книги, А.Мадорский, в первых же строках своего сочинения. – Замечательно. Далее: «Ни в чем не стойкий, до всего охочий Пушкин Александр Сергеевич жил и сочинял зигзагами. Вбок, вкривь, вкось вычерчивал, да кверху ногами все опрокидывал... Если б в его переменах была последовательность, куда ни шло. Нет, бесовские зигзаги!» [2, с. 5–6].

В общем-то, о непоследовательности, противоречивости в поступках и творчестве Пушкина известно давно, об этом написано много, но здесь автор предлагает нечто из ряда вон выходящее: «Я предлагаю Любопытному Читателю вместе со мной отринуть стандартное «пушкиноведение» и поверить собственному взору и слуху. Научитесь видеть настоящего Пушкина...». «Образ гения не может поблекнуть от правды. Напротив – моя правда только лишь вернет вам живую душу настоящего Пушкина» [2, с. 7, 5].

Правда всегда подкупает. Конечно же, хочется узнать ее как можно больше. Поэтому читаем дальше. Всем известно письмо Пушкина П.Я. Чаадаеву, автору «Философических писем», – письмо, отражающее сложнейшее чувство, которое переживал поэт, как и многие представители его

поколения, включая и Чаадаева, в своем отношении к будущему России. И вот какую тираду отпускает по этому поводу А.Мадорский:

«...За два с половиной месяца до кончины он сочиняет так и не отправленное письмо к П.Я.Чаадаеву, где уверяет, будто бы, "ни за что на свете не хотел бы переменить отечество"... Абсолютно зигзагообразная позиция Пушкина в этом послании к давнему другу достойна специального, может и психиатрического анализа, который здесь не к месту... "Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног...", – заявил он. И повторял, повторял... Несло его, как при расстройстве желудка» [2, с. 292–293]. И т.д., и т.п.

Чтобы увидеть чудовищное искажение смысла письма Пушкина к Чаадаеву, достаточно прочесть хотя бы вот эти строки из упомянутого письма: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. <...> Петр Великий, который один есть целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? <...> Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» [1, т. 10, с. 287–288]. Откуда взята фраза «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног» остается непонятным, потому что в письме Пушкина ничего такого нет. Очевидно, что она, как и пассаж о «расстройстве желудка», понадобилась автору для решения своей неблагоприятной задачи – представить великого поэта в роли объекта «психиатрического анализа».

Вся книга построена подобным образом. За достоверные факты выдаются высказывания современников поэта, среди которых, как известно, у него было немало как друзей, так и врагов. А если и приводятся факты, то они интерпретируются исключительно в угоду поставленной автором цели таким образом, что и воспроизводить их бывает не совсем прилично.

Что это? Пролеткультовское «свержение с пьедесталов»? Воинствующий деконструктивизм постмодерна? Очень хочется процитировать в этой связи Ортегу-и-Гассета: «...Заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду... Масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее» [3, с. 48], – писал испанский философ в своей известной книге «Восстание масс». И еще: «В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает себя таким же, как и все, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [3, с. 45–46].

Книга А.Мадорского рассчитана на рыночную потребу именно масс, *толпы*, которой, конечно же, лестно лишний раз убедиться в том, что она ничем не отличается от тех, кто вознесся очень высоко. Судя по содержанию и стилю «Сатанинских зигзагов», их автор тоже весьма доволен собственной неотличимостью от тех, на кого рассчитано его сочинение.

Но это – особенность не только нашего времени. Вспомним известное письмо Пушкина к П.А. Вяземскому, написанное в 1825 году: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? черт с ними! слава богу, что потеряны.<...> Оставь любопытство толпе и будь заодно с Гением.<...> Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!*». Но главная пушкинская мысль заключена вот в этой, далее следующей фразе: «Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе» [1, т. 9, с. 202–203].

Вот эта-то фраза, по всей очевидности, и задела за живое автора «Сатанинских зигзагов». Ибо все собранное им представляет собой многословное «не-е-ет!» в ответ на это утверждение. Автор, надо отдать должное, много потрудился, собирая нужный ему материал. Им достаточно внимательно изучены и соответствующим образом отсортированы сочинения поэта, его переписка, свидетельства современников, многое из того, что до него собирали и писали В.Вересаев, Ю.Тынянов, многие другие исследователи и литераторы, кто попытался осмыслить непростую судьбу поэта. Но под пером А.Мадорского все это принимает вид некоего компромата, окрашенного желчью злорадства. «Научитесь видеть настоящего Пушкина», – призывает автор «Зигзагов». Для А.Мадорского настоящий Пушкин – в «сатанизме» души, в демонизме природы. Если бы он попытался раскрыть эту тему непредвзято и объективно, то повода к претензиям к нему может и не нашлось бы. Но ведь в душе нарисованного им поэта нет места тому, что от Бога, он упивается исключительно тем, что от черта.

* * *

Разумеется, сказанное по поводу «Сатанинских зигзагов» не ставит целью начисто отвергнуть все, что касается человеческих слабостей и недостатков Пушкина и представить его в белых одеждах святого. Да, в жизни он был далеко не ангел, и об этом много написано. Но и в сатанинском обличье его изображать – дело недостойное. Этот вопрос заслуживает более сложного и глубокого подхода, который, между прочим, уже не раз предпринимали многие исследователи и мыслители. В частности, Вл.Соловьев, посвятивший много страниц философскому осмыслению судьбы и творчества Пушкина, отмечал: «При сильном желании и с помощью вырванных из целого отдельных кусков и кусочков можно, конечно, приписать Пушкину всевозможные тенденции, даже прямо противо-

положные друг другу: крайне-прогрессивные и крайне-ретроградные, религиозные и вольнодумные, западнические и славянофильские, аскетические и эпикурейские. – Дальнейшая ирония Соловьева уже напрямую относится к интерпретациям а la Мадорский. – Довольно трудно разобрать, какой из двух оттенков наивного самолюбия преобладает здесь в каждом случае: желание ли сделать честь Пушкину причислением его к таким превосходным людям, как мы, или желание сделать честь себе чрез единомыслие с нами такого превосходного человека, как Пушкин» [4, с. 320–321].

О противоречиях и несоответствиях в творчестве и поступках поэта написано много, сделано и немало попыток их осмысления и объяснения. Действительно, Пушкин рано оказался на вершине славы, его сочинения нарасхват печатали журналы, они распространялись в списках, ими восхищались такие признанные литературные корифеи, как В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский. Но, вместе с тем, был и другой план известности поэта. Александру Пушкину сопутствовала репутация скандалиста и бретера, картежника и гуляки. Он охотно проводил вечера и целые ночи в «оргиальных» компаниях, настойчиво ухаживал за девицами и замужними дамами, азартно играл в карты, безрассудно рисковал жизнью; карты и женщины были причиной многих его скандалов и дуэлей. Иными словами, Пушкин «жег свечу жизни» с двух концов.

Все чередой идет определенной...
 Молись и Вакху и любви
 И черни презирай ревнивое роптанье:
 Она не ведает, что дружно можно жить
 С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом,
 Что ум высокий можно скрыть
 Безумной шалости под легким покрывалом [2, т.1, с. 32].

«Безумные шалости» в конце концов привели к тому, что в 1824 году Пушкин был отрешен от службы и сослан в родовое имение Михайловское Псковской губернии (поводом послужило обнаруженное в одном из писем поэта неосторожное высказывание по религиозному вопросу). В деревенской ссылке он стал предаваться размышлениям по поводу прожитых лет, многое подвергая критической переоценке. Наиболее активное влияние на «перевоспитание» поэта, судя по переписке тех лет, оказывал В.А. Жуковский, на советы которого Пушкин отвечал хотя и сдержанно, но согласительно. К примеру, в письме от 9 августа 1825 г. Жуковский дает Пушкину рекомендацию «не играть безрассудно жизнью», которую до сих пор тот тратил «с недостойною тебя и с оскорбительною для нас расточительностию, тратил и физически и нравственно». «Пора уняться, – призывал Пушкина его старший брат по перу. – Она (жизнь – С.Р.) бы-

ла очень забавною эпиграммою, но должна быть возвышенною поэмою»¹. На что Пушкин отвечал (письмо от 17 августа): «Отче, в руке твои предаю дух мой. <...> Согласен, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегией в роде Коншина». И далее, как бы в доказательство того, что он действительно решил «уняться» и всерьез заняться делом: «Кстати об элегиях, трагедия моя идет, и думаю к зиме ее кончить; вследствие чего читаю только Карамзина да летописи» [1, т. 9, с. 181–182]².

В стихах второй половины 20-х годов, у Пушкина прорывается откровенно критическое осмысление пройденного пути. Весной 1828 года он слагает пронзительно горестные строки:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю [1, т. 2, с.137].

Нет восторга у поэта по поводу жизни прошедшей, нет у него радостных ожиданий и от жизни грядущей. Обретя, казалось бы, то, к чему поэт так настойчиво стремился в михайловской ссылке, он спустя некоторое время горестно сетует:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена? <...>

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум [1, т. 2, с.139].

Однако грусть и тоска по поводу бессмысленности земного пути не остаются самодовлеющими, потому что кроме шума однозвучной жизни существование поэта заполняют еще и звуки божественной лиры, которую Пушкин вовсе не считает даром напрасным и случайным:

Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира

¹ Цит. по: Вересаев В.В. Сочинения. В 4-х томах. Т.2. М.,1990. С. 258.

² Речь идет о трагедии «Борис Годунов», работу над которой обычно связывают с поворотом в творчестве поэта от романтического байронизма к углубленной работе мысли, к проблематике шекспировского звучания. Коншин, Николай Михайлович (1793–1859) – педагог и писатель, автор элегий, которые часто были предметом шуток Пушкина.

Мне были вверены судьбой! [1, т. 2, с.11]

* * *

В письме П.А.Вяземскому по поводу утерянных записок Байрона, написанном в михайловский период жизни Пушкина, затронут все тот же вопрос, становящийся, по всей видимости, для поэта все более болезненным – вопрос о соотношении поэтического вдохновения и земного существования незаурядной личности, духовного и душевно-телесного планов ее бытия. В письме Пушкин решает этот вопрос как будто бы в пользу единства человеческой природы. Гений, если даже он и мерзок, то мерзок не так, как простые смертные. Он возвышается над толпой во всей целостности своей натуры.

Однако о такой целостности Пушкин говорит крайне редко. Подобные мысли у него прорываются как попытки оправдать грехи земные особой предназначенностью судьбы, как выдохи тягостно переживаемого раскаяния. Они резко расходятся с иной точкой зрения, которая явно доминирует в его произведениях и, по всей видимости, составляет принципиальную позицию Пушкина по этому вопросу. Она сводится к утверждению раздвоенности человеческой натуры, к признанию разделенности собственного бытия на два плана – бытие простого смертного и бытие жреца высших сил.

Это противопоставление реального и идеального, «дольнего» и «горнего» получило наиболее яркое выражение в стихотворении «Поэт», написанном в той же михайловской ссылке:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепетается,
Как пробудившийся орел.<...>
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы... [1, т. 2, с.110]

Следовательно, ни о какой «гениальной низости» здесь речи не идет, единство *земных* мерзостей и *божественного* глагола Пушкиным катего-

рически отрицается. В поэте сосуществуют два совершенно различные существа. Между ничтожнейшим из смертных и вдохновенным жрецом Аполлона, которые суть одно лицо, пролегает, в сущности, онтологическая пропасть.

Надо отметить, что эта тема «двухплановости», амбивалентности бытия человека, раздвоенности его духовной сущности и земного существования – одна из важных тем, к которой так или иначе обращались многие авторы. И в отвлеченно-философской ее постановке, и конкретно в приложении к личности и творчеству А.С.Пушкина.

В 1929 году В.В. Вересаев написал книгу «В двух планах», специально посвященную данной проблеме. «У Пушкина прямо поражает бьющее в глаза несоответствие между его жизненными переживаниями и отражениями их в его поэзии, – писал он. – <...> Внимательные исследователи и наблюдатели постоянно отмечают это несоответствие жизненных и поэтических настроений Пушкина, эту его "двупланность"» [7, с.203].

Разделение Пушкина на «два плана» вызвало резкое несогласие со стороны приверженцев материалистической концепции целостности человеческой натуры. Но не были удовлетворены и представители противоположного лагеря. П.Струве писал за границей в статье «Дух и слово Пушкина»: «Но разве пушкинская «двупланность» не есть по существу нечто неизбывное и характерное для человека вообще? Вересаев подметил факт, но по своей религиозной слепоте не мог его истолковать» [8, с.326].

П.Струве рассматривал данную проблему через традиционные категории *Душа* и *Дух*. Говоря о Духе Пушкина, писал он, нет надобности распространяться о его жизни, с ее страстями и ошибками, с ее грехами и падениями, ибо эту жизнь преодолевал его Дух. «Преодоление себя, своей Души в Слове и обретение через Слово своего Духа есть самое таинственное и самое могущественное, самое волшебное и чарующее, самое ясное и непререкаемое в явлении: Пушкин» [8, с.318]. Во вдохновенном Слове Пушкина мы постигаем Дух поэта. «Именно *Дух*. Не мятущуюся *душу*, преданную страстям, не *душу*, всецело не только подвластную "душевному" или "животному" телу, но и составляющую с ним нечто единое, а *дух* ясный, простой и тихий, смиренно склоняющийся перед неизъяснимым и неизреченным... Чрез тайну Слова Пушкин обрел Дух, и этот Дух он воплотил в Слово» [8, с.317–318].

* * *

В.В. Розанов, написавший о Пушкине целый ряд восторженных статей и очерков, тем не менее, касаясь данной темы, ставил поэту в упрек уже не столько земные грехи, сколько то обстоятельство, что он в своем творчестве слишком уж высоко воспарял над грешной землей, тем самым удаляясь от насущных жизненных проблем. «Пушкин, по многогранности,

по *все-гранности* своей – вечный для нас и во всем наставник. Но он слишком строг. Слишком серьезен... Есть множество тем у нашего времени, на которые он, и зная даже о них, не мог бы *никак* отозваться; есть много более у нас, которым он уже не сможет дать *утешений*; он слеп, "как старец Гомер", – для множества случаев¹.

Против такой характеристики решительно возражал В.С. Соловьев. По его убеждению, именно в том и состоит недосыгаемая высота поэтического гения Пушкина, что вдохновение свое он получал не от дольного, а от горнего источника: «в его поэзии (увы! только в поэзии) сохранилось слишком много вдохновения, идущего *сверху*, не из расщелины, где серные, удушающие пары, а оттуда, где свободная и светлая, недвижимая и вечная красота» [6, с.307–308].

В период празднования столетнего юбилея А.С.Пушкина Вл.Соловьев написал статью «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», а двумя годами раньше – «Судьба Пушкина». И в той, и в другой значительное место занимает все та же тема – тема дуализма между божественным вдохновением и «человеческим, слишком человеческим», говоря словами Ницше. Важная мысль, которую философ здесь развивает, заключается в том, что такое понятие, как красота, является выражением исключительно духовной ипостаси личности поэта и ни в коей мере не связана с материальными условиями его личной жизни. В качестве примера Соловьев приводит высказывания Пушкина в адрес А.П.Керн, которой поэт в свое время увлекался и которой посвятил известные строки:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты. [1, т. 2, с. 23]

Но примерно в то же время Пушкин пишет об этой же женщине нечто совершенно другое. В письме своему другу А. Н. Вульффу, помимо всего прочего, он задает весьма фривольный вопрос: «что делает Вавилонская блудница Анна Петровна?» [1, т. 9, с.217].

Видимо, Анна Петровна не была ни гением чистой красоты, ни вавилонской блудницей, предполагает Соловьев. И та, и другая оценки преувеличены, и на юридическом языке это можно было бы обозначить как «сообщение заведомо неверных сведений». Но, по убеждению философа, подобные упреки могут предъявлять поэту только те, кому неведомы тайны творческого вдохновения. Потому что «для признающих вдохновение и чувствующих его силу в этом произведении должно быть ясно, что в *минуту творчества* Пушкин действительно испытывал то, что сказалось

¹ *Цит. по:* Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 306.

в этих стихах. <...> Возвращаясь к жизни, он сейчас же переставал верить в пережитое озарение, сейчас же признавал в нем только обман воображения – "нас возвышающий обман"» [5, с.279].

Поэт не волен в своем творчестве, считает Соловьев, свобода творчества не имеет ничего общего со свободой воли. Настоящая чистая поэзия требует от поэта чуткого послушания высшему вдохновению, которое идет не от «мира сего». Поэтическая душа свободна в том смысле, что в минуту вдохновения она ничему низшему не послушна, а повинуетя лишь поэтическим образам, мыслям и звукам, которые сами, свободно приходят в душу, готовую их принять и излить в свободном проявлении – свободном, значит, не придуманном, не сочиненном. Подлинное искусство не подчинено ни рациональным, ни утилитарным соображениям. Пушкин был бесспорно умнейший человек (на что обратил внимание Николай I, побеседовавший с поэтом), «но не здесь *бесценное* достоинство и значение Пушкина; он нам *безусловно* дорог не своими *умными*, а своими *вдохновенными* произведениями. Перед вдохновением ум молчит» [4, с.323].

В состоянии вдохновения поэт ничего не придумывает и не сочиняет, все звуки и образы приходит к нему сами собой. Когда же вдохновения нет и поэт попытается совершить над музой насилие, проявить над нею свободу воли – из этих попыток все равно ничего не выходит:

Беру перо, сию, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор... [1, т. 2. с.187]

Не значит ли это, что подобная отвлеченность поэзии Пушкина от дел земных лишает его творчество всякого содержания, всяческой пользы? На этот счет у Вл.Соловьева имеется концепция, которую он сформулировал в целом ряде своих теоретических сочинений и которая сводится к тому, что *красота* сама по себе самоценна. Она таит в себе собственную силу не только как катарсис – внутреннее нравственное очищение личности, но и как теургия – преобразование всей жизни на началах истины и добра. «Поэзия может и должна служить делу истины и добра на земле, – писал философ, – но только по-своему, только своею *красотою* и ничем другим. Красота уже сама по себе находится в должном соотношении с истиной и добром, как их осязательное проявление. Следовательно, все действительно поэтическое – значит, прекрасное – будет *тем самым* содер- жательно и полезно в лучшем смысле этого слова.

Ни в чем, кроме красоты, *настоящая* поэзия не нуждается: в красоте – ее смысл и ее польза» [4, с.321].

При оценке личности Пушкина, считает Соловьев, следует оставить в стороне суетное, душевно-телесное, и обратить внимание на духовный аспект его бытия, который наиболее ярко выразился у поэта начиная со второй половины его творческого пути, когда он написал своего знаменитого «Пророка». Тогда к нему, опустошенному суетной мирской жизнью, пришло настоящее духовное просветление:

...И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Эта символическая встреча была роковой для поэта, ибо произвела в нем полное внутреннее перерождение:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход.
И дольней лозы прозябанье.

Иными словами, поэт получил способность особенным, внутренним взором воспринимать и высоту божественных сфер, и низость преисподней, и земное человеческое «прозябание», экзистенцию простого смертного, говоря современным философским языком.

Но быть только воспринимающим органом недостаточно для пророка. Его главная миссия – возвещать, проповедовать, пробуждать «чувства добрые»:

...И бога глас ко мне возвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей» [1, т. 2, с.82–83].

Соловьев приводит многочисленные доводы в пользу того, что, вопреки высказываемым мнениям, речь здесь идет не о религиозном пророке, то ли Муххамеде, то ли Исаяи или Илии. «Обходя моря и земли» – это вселенское, христианское призвание, к чему не были предназначены ни исламский, ни ветхозаветные пророки, сфера влияния которых канонически распространялась лишь на известные ограниченные территории. В конечном счете Соловьев приходит к выводу, что речь идет все-таки о пророке-поэте, дошедшем в своем мироощущении до подлинного вселенского универсализма. «Поэтическое самосознание Пушкина, созревшее и повышенное в силу внутренних и внешних причин, облеклось в минуту вдохновения величавым образом библейского пророка – образом, подходящим, конечно, не ко всякому поэту, а лишь к тому идеальному, свыше призванному, для великого служения предназначенному поэту, для той

высшей потенции творческого гения, которую в этом *поднятом* настроении ощущал в себе Пушкин» [4, с.352].

* * *

О пророческом даре Пушкина говорили многие авторы. И.А. Ильин посвятил этому вопросу специальную статью под названием «Пророческое призвание Пушкина». Он приводит суждения на этот счет целого ряда современников поэта – и утверждение Гоголя, что поэт «видел всякий высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма – Богом», и обращенное к Пушкину стихотворение Тютчева, начинающееся словами «Ты был богов орган живой...», и стихотворение князя Вяземского, в котором Пушкин выводится как «жрец духовный», и высказывание Языкова, признававшего поэзию Пушкина «истинным священнодействием». «Вместе с Баратынским, – говорит Ильин, – мы именуем его "наставником" и "пророком". И вместе с Достоевским мы считаем его "великим и непонятым еще предвозвестителем"» [9, с.330].

И.А. Ильин считал делом недостойным придавать значение пересудам и сплетням, которыми еще при жизни был опутан поэт. «Ибо мы хорошо знаем, что всякое движение на земле поднимает "пыль"; что ничто великое на земле невозможно вне страсти; что свят и совершенен только один Господь». Со свойственной ему страстностью Ильин призывает к тому, чтобы «подходить к Пушкину не от деталей его эмпирической жизни и не от анекдотов о нем, но от главного и священного в его личности, от вечного в его творчестве, от его купины неопалимой, от его пророческой очевидности, от тех божественных искр, которые посылали ему навстречу все вещи и все события, от того глубинного пения, которым все на свете отвечало его зову и слуху; словом – от того духовного акта, которым русский Пушкин созерцал и творил Россию» [9, с.330, 332].

В образах и словах поэта Ильин видел сосредоточение русского народного духа, «национальный символ веры». В отличие от Достоевского, подчеркивавшего вселенскую отзывчивость пушкинской души, Ильин акцентирует внимание именно на «русскости», неотделимости поэта от России: «утверждая русскость Пушкина, я имею в виду не гениальную обращенность его к другим народам, *а самостоятельное, самобытное, положительное* творчество его, которое было русским и национальным» [9, с.335].

С.Л. Франк также отмечал в натуре Пушкина характерные русские черты. Уже тот факт, что в Пушкине уживались известные крайности, что он едва ли не до конца жизни сочетал в себе буйность, разгул с умудренностью и просветленностью, по мнению С.Франка, свидетельствует о том, что поэт был истинно русской широкой натурой. «В нем был, кроме того, какой-то чисто русский задор цинизма, типично русская форма целомуд-

рия и духовной стыдливости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства» [10, с.383].

Франк посвятил Пушкину целую серию очерков, в которых обстоятельно анализирует самые различные аспекты жизни и творчества поэта. Касаясь духовного плана его бытия, он особенно отмечает религиозные мотивы в поэтическом творчестве Пушкина. Франк пишет, в частности, что творческое вдохновение было для поэта «подлинным религиозным откровением: вдохновение определено тем, что "божественный глагол" касается "слуха чуткого" поэта. Именно поэтому "служенье муз не терпит суеты: прекрасное должно быть величаво". Говоря о поэзии, Пушкин сплошь и рядом употребляет религиозные термины; в своем поэтическом завещании "Памятник" он говорит: "веленью Божию, о муза, будь послушна". Более того, для него поэзия сама уже есть «молитва» («мы рождены... для звуков сладких и молитв»). «Поэт, подобно пророку, знает лишь одну цель: исполнившись волей Божией, "глаголом жечь сердца людей"» [10, с.390, 391].

Примерно о том же говорил и С.Н. Булгаков в очерке «Жребий Пушкина». «Поэтическое служение, достойное своего жребия, – писал он, – есть священное и страшное служение: поэт в своей художественной правде есть свидетель горнего мира, и в этом призвании он есть "сам свой высший суд"». Поэты «рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв», и это вдохновение есть «признак Бога», «чистое упоение любви поэзии святой». Но оно знает и над собой еще более высший суд, пред которым склоняется: «велению Божию, о муза, будь послушна». – Далее Булгаков излагает, в сущности, соловьевскую мысль: «Поэзия есть служение истине в красоте. <...> Поэт воспринимает мир как откровение красоты, в которой и чрез которую ему открывается, становится доступной и мудрость» [11, с.279]. Булгаков склонен считать, что подобное служение поэта божественной мудрости и красоте есть не что иное как «самосвидетельство софийности» его поэзии.

С.Н. Булгаков признавал, что Пушкин не отличался достаточной серьезной и ответственной личной церковностью, которая во многом оставалась «барски-поверхностной», свойственной особенностям сословия и эпохи. Но это не мешало Булгакову настаивать на глубокой внутренней религиозности поэта, начавшейся в середине 20-х годов. Под конец жизни, отмечает Булгаков, в лирике Пушкина появляются пессимистические мотивы, под влиянием которых он пишет известные строки «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...». А в конце этого стихотворения делает приписку: «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню! Поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические, семья, любовь etc. Религия, смерть» [11, с.294].

Смерть не страшила поэта, напротив, она привлекала его, говорила его сердцу «о тайнах вечности и гроба»:

Все, все, что гибелью грозит,
 Для сердца смертного таит
 Незыблемы наслажденья –
 Бессмертья, может быть, залог! [1, т. 4, с.326]

В физической смерти поэта наступило разрешение коллизии между душой и Духом, земной суетой и вечностью. Дух иссяк, реализовался, осуществился сполна. Телесное существование стало бессмысленным. Трагический финал прекратил «дольней лозы прозябанье». Но смерть оказалась бессильной перед Словом Пушкина. Об этом поэт пророчествовал в последний год своей жизни, уже в предчувствии скорого окончания земного пути:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
 Мой прах переживет... [1, т. 2, с.385]

* * *

То обстоятельство, что проблема «двухплановости» бытия Пушкина вызвала оживленные толкования, говорит, видимо, о необычайно высоком к ней интересе с разных точек зрения. Естественно, что философы свое внимание уделяют главным образом духовно-творческой стороне пушкинского таланта, представители же запроса «толпы» сосредотачиваются на «похотях души». Это и объяснимо: поэтическое вдохновение таит в себе много такого, «что и не снилось нашим мудрецам» (В.Шекспир), чувственные же движения души поэта, тем более, телесные позывы, по убеждению «человека массы», «те же самые, что у ничтожного забулдыги» (А.Мадорский).

Сочинение и издание книг, подобных «Сатанинским зигзагам», сродни осквернению памятников и могил. Подобного толка «исследованиями» наполнены книги, фильмы, статьи не только о Пушкине, но и о Есенине, Маяковском, Высоцком... Как ни досадно это признавать, но подобная продукция находит спрос среди представителей так называемого массового сознания, или сознания толпы, во всяком случае, какой-то его части. Но, разумеется, не вся читательская публика спешит, по зову автора «Зигзагов», открывать «настоящего себя» во всем том, что содержится в подобных сочинениях. Потому что гении рождаются не для того, чтобы становиться экспонатами патологических коллекций.

Явление гения – не в его тривиальных слабостях и недостатках, на которые способен всякий, а в его божественном даре – исключительном, неповторимом, недостижимом для простых смертных. Именно эта сторона жизни, этот план бытия Пушкина никогда не перестанет удивлять и восхищать его благодарных потомков, тех, которые сохраняют за собой способность воспринимать высокое звуки божественной лиры.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. М.: Художественная литература, 1974–1978.
2. Мадорский Анатолий. Сатанинские зигзаги Пушкина. М.: Поматур, 1998.– 348 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. М.: Изд-во «Весь Мир», 1997. С. 43–163.
4. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 316–370.
5. Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Там же. С. 271–299.
6. Соловьев В.С. Особое чествование Пушкина // Там же. С. 300–310.
7. Вересаев В. В двух планах (О творчестве Пушкина) // Красная Новь, 1929. № 2. С. 200–221.
8. Струве Петр. Дух и слово Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX–первая половина XX вв. М.: «Книга», 1990. С. 317–328.
9. Ильин Иван. Пророческое призвание Пушкина // Там же. С. 328–356.
10. Франк Семен. Религиозность Пушкина // Там же. С. 380–396.
11. Булгаков Сергей. Жребий Пушкина // Там же. С. 27–294.

References

1. Pushkin A.S. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Collected Works in 10 vol]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1974–1978.
2. Madorskij Anatolij. *Sataninskie zigzagi Pushkina* [Satanic zigzags Pushkin]. Moscow: Pomatur, 1998, 348 p.
3. Ortega-i-Gasset H. *Vosstanie mass* [Revolt of the Masses] // Ortega-i-Gasset H. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Izd-vo «Ves' Mir», 1997, p. 43–163.
4. Solov'ev V.S. *Znachenie poezii v stihotvorenyah Pushkina* [The value of poetry in the poems of Pushkin] // Solov'ev V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [The philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, p. 316–370.
5. Solov'ev V.S. *Sud'ba Pushkina* [The fate of Pushkin] // Ibid, p. 271–299.
6. Solov'ev V.S. *Osoboe chestvovanie Pushkina* [A special celebration of Pushkin] // Ibid, p. 300–310.
7. Veresaev V. *V dvuh planah* (O tvorchestve Pushkina) [In the two plans (On the work of Pushkin)] // Krasnaya Nov', 1929, № 2, p. 200–221.
8. Struve Petr. *Duh i slovo Pushkina* [Spirit and the word] // Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: Konec XIX–pervaya polovina XX vv [Pushkin in Russian philosophical criticism: End of XIX–XX centuries the first half]. Moscow: «Kniga», 1990, p. 317–328.
9. Il'in Ivan. *Prorocheskoe prizvanie Pushkina* [The prophetic vocation Pushkin] // Ibid, p. 328–356.
10. Frank Semen. *Religioznost' Pushkina* [Religiosity Pushkin] // Ibid, p. 380–396.

11. Bulgakov Sergej. *Zhrebij Pushkina* [The die Pushkin] // Ibid, p. 27–294.